

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Соревнование (или как я провел летние каникулы)

... Вначале мы воевали, вооружившись водяными пистолетами, которые в последнее время заполнили витрины коммерческих ларьков. Но эти игрушки выпускали кооперативы. И качество их оставляло желать лучшего. Как следствие, водометное оружие, несмотря на цену, очень быстро выходило из строя.

Поэтому в боевых условиях каждый вооружался чем может. У меня, например, был плоский пластиковый флакон из-под какой-то женской косметики. Сменив несколько типов вооружений, я пришел к выводу, что поливалка небольшого объема гораздо выгоднее. Ее легче сжать, а следовательно, прицельная дальность ее гораздо выше. К тому же у меня был производственный секрет: отверстие в крышке я не протыкал гвоздем, как обычно, а проделывал это, разогрев гвоздь над газовой плитой. Дырка получалась гладкой, и струя воды вылетала без завихрений...

Воевали мы строго по правилам: попали в голову, грудь или живот - убит. Сидишь на лавочке до конца «боя». Подсказывать своим где кто прячется - нельзя. В том числе взглядом или жестом. Попали в руку или в ногу - ранен и не имеешь права «стрелять» в течение 5 минут. Можешь только убежать. Время засекалось точно, поскольку почти у каждого из нас были модные в то время китайские электронные часы из черной пластмассы, привозимые на городскую барахолку вьетнамцами. Правда, мы считали, что часы японские, антиударные и водонепроницаемые...

В «перестрелке» мне удалось загнать в подъезд Юрку - моего ровесника из команды противника. Его семья недавно переехала в наш двор из другого района, поэтому я его знал только по нашим летним «баталиям», в которых он стал принимать участие сразу, как освоился во дворе. Судя по тому, как он отчаянно улепетывал, у него кончился «боезапас». Но «расстрелять» в подъезде я его не мог. И отнюдь не по этическим соображениям. Просто насчет этого тоже было правило: в подъездах «стрелять» запрещено. Потому что соседи устраивали скандал, как будто мы там не чистой водой набрызгали, а уксусом...

Но в правилах не оговаривалось, нужно ли давать противнику время выйти из западни. Поэтому я, подождав немного, стал не спеша подниматься по лестнице. Лампочки в подъезде, конечно, отсутствовали, солнечный свет еле проникал сквозь засиженные мухами подъездные окна. Тем не менее, я обнаружил своего противника на четвертом этаже, на лестничной площадке.

- Ну что, пошли? - с ехидцей сказал я и пригласительно кивнул головой в сторону лестницы. Юрка вздохнул и понуро побрел к выходу. Мне его даже жалко стало. Я бы на его месте просто давно взлетел на девятый этаж, затем - по металлической лестнице на чердак и вышел бы из другого подъезда. В доме пять подъездов, не могу же я ждать его одновременно во всех... Но, должно быть, Юрка не изучил местных особенностей... Ну, это его проблемы, раз он такой недогадливый. Около подъездной двери я приготовил свое оружие, и на всякий случай подошел поближе, опасаясь, что пленный неожиданно кинется наутек.

Мы вышли из подъезда.

- Стоять! - скомандовал я.

Юрка замер.

- Кру-гом! - я не мог "стрелять" в спину безоружному...

Ох уж эта моя воспитанность! Я и рта не успел раскрыть, как пленный развернулся, и мощная прозрачная струя буквально "прошила" мою майку, оставляя отчетливый мокрый след.

Все оказалось просто: это оказался Юркин подъезд, и, пока я дожидался его внизу, он зашел к себе в квартиру и преспокойно заправился водой. Я запоздало вспомнил, что противник старался не демонстрировать свое оружие. Кстати, довольно мощное - толчок воды был вполне ощутим... Я был явно "убит", причем наповал...

Я обратил внимание на Юркину брызгалку. Это была... оранжевая спринцовка с пластиковым наконечником...

- Чё это у тебя - фыркнул я со смехом, показывая на Юркино оружие...

- Американская Эм-16! - в тон мне подыграл противник и тоже засмеялся.

- Ты хоть знаешь, для чего эта штука? - оведомился я, - чего ей делают? - я уже смеялся в открытую.

- А как же, зна-а-а-ю, - Юрка переливчато захихикал.

- А тебе делали когда-нибудь? - задал я неуместный вопрос...

- Да тыщу раз! - запросто ответил Юрка.

- Ну-ка расскажи! - все еще смеясь, попросил я.

- А что рассказывать... Стоишь вот так, - Юрка изобразил положение пловца на тумбе перед нырянием, - а тебе р-раз! - он сделал круговое движение по направлению к заднице. - А потом - в-ж-жи-и-к! - сжал грушу, от чего из наконечника опять ударила мощная струя, разбившаяся о стену дома.

- Только надо, чтобы вода была мыльная - мыльная.

Это было что-то новенькое... Я полагал, что это делается только чистой водой.

- А потом? - я продолжал разыгрывать из себя несведущего.

- А потом так в туалет захочется, что и пяти минут не вытерпишь.

- Да ну, врешь! - подначил я, - любой вытерпит пять минут!

- Да ты бы через минуту обделался, - воскликнул Юрка. - А тебе что, никогда не делали?

- Не-а, никогда, - соврал я, осознавая, что наша беседа вошла в странное русло...

***

Вообще-то я, конечно, знал, что это за штука такая - клизма. Иногда вспоминались странные полузабытые ощущения из раннего детства. Не сказать, что они были приятными, но почему-то в глубине души иногда хотелось испытать их снова...

Я смутно помнил, как отец подхватывал меня под-мышки, затем перехватывал поперек живота и укладывал к себе на колени. Я понимал, что будет дальше, и всегда пытался ухватиться за резинку штанов, но чаще всего не успевал... А если успевал, тогда отец с восклицанием "гули-гули" начинал щекотать меня свободной рукой. Защищая бока от щекотки, я непроизвольно выпускал штаны, которые тут же съезжали в недостижимую зону...

Удерживаемый отцовскими сильными руками, я, всегда молча, отчаянно пытался сопротивляться. Хотя это было бесполезно. Я чувствовал, как мать, слегка растянув мне попу пальцами, втискивает туда носик резиновой груши. Причем груша была не такая, как у Юрки, а целиком из резины. Носик возле корпуса был широкий. Должно быть, его чем-то

намазывали, потому что, не смотря на то, что я отчаянно сжимал ягодицы, он входил полностью, ощутимо растягивая... ну, сами знаете, что...

После сдачи этого рубежа я понимал, что исправить уже ничего нельзя. От бессилия наворачивались слезы. Зад стремительно наполнялся водой, распирающей стенки прохода... Под родительское "ну тихо-тихо" и "все-все-все уже"... Эту процедуру со мной делали не часто, но именно это ощущение запомнилось наиболее отчетливо.

Все всегда заканчивалось одним и тем же: всхлипывая, я сидел на горшке в ванной, и радовался, что мой старший брат Витька сейчас в школе и не видит моего унижения.

Как-то один раз своими насмешками он довел меня до истерики. Правда, мама устроила тогда ему хорошую взбучку. А отец рассказал один очень неприятный для Витьки случай: оказывается, в моем возрасте брата, бывало, тоже клизмовали. И один раз он не вытерпел и сделал прямо в трусы. Вот это был компромат! Витька срывающимся голосом заорал "что вы врите-то!" - покраснел и убежал в спальню...

Когда я немного подрос, родители прекратили эту практику, и по прошествии трех лет эти события почти забылись. Только во втором классе я удосужился получить клизму. Причем, как бы это сказать, не в медицинском, а в игровом её варианте... Моему старшему братцу ни с того ни с сего пришла в голову такая мысль, и я... согласился. Как-то под настроение попало. В тот день в школе была сдача анализов и вообще... Ну, игра игрой, но после нее мне минут двадцать в туалете пришлось сидеть.

Вообще тот год оказался богатым на подобного рода впечатления. Некоторое время мы с моей школьной подружкой Наташей играли "в анализы" при помощи ушных ватных палочек. Девчонки вообще любят играть в подобные игры, но Наташка была довольно проблемной. Каждый раз ее приходилось уговаривать. Тем более, она каждый раз жульничала, и, едва стоило дотронуться до ее попы ватной палочкой, как она тут же взвизгивала и натягивала трусики... Потом утверждала, что "по правде" анализы именно так и делают. О том, чтобы попробовать поставить клизму, даже речи быть не могло. Потом эти игры мало-помалу прекратились. Наступил возраст, когда мы стали отдаляться от девчонок, и я уже стеснялся предложить Наташке подобное развлечение. А сама она никогда первой не начинала. В гости ко мне она приходила все реже, и наконец, совсем перестала. Мы стали просто одноклассниками. Про наши детские игры я почти не вспоминал. Разве только после очередного посещения лаборатории, которая за прошедшие с тех пор 4 года так и не изменила способы выявления болезней...

***

- Не, мне никогда не делали. - повторил я.

Странно, но я чувствовал, что в этот момент наши с Юркой мысли находятся в одной плоскости. И не ошибся.

- Тогда может, хочешь попробовать? - предложил он как бы в шутку, - Заодно посмотрим, как ты вытерпишь, у меня родители как раз на работе...

- А что, давай. Только чур, если я терплю 5 минут, тогда потом я тебе буду делать.

- 10 минут! - ответил Юрик.

- 5 - первое слово! - уперся я.

- Ну хорошо, только тогда все по правилам - мыльной водой.

Ну, мыльной, так мыльной, какая разница, - подумал я, и стал подниматься вслед за Юркой по лестнице.

Юрка отпер дверь ключом, висящим у него на шнурке под майкой, и мы вошли внутрь. Скинув кроссовки, он проследовал в ванную, по пути не глядя щелкнув по выключателю. Я пошел за ним, не успев особо оглядеться в сумраке прихожей.

Юрка, залез на деревянную доску, положенную поперек ванны для стиральной машины, открыл дверцу шкафчика под самым потолком и достал оттуда пузатую стеклянную банку с широкой горловиной. Отрегулировав воду, он наполнил банку водой, взял с раковины небольшой кусок мыла, и стал болтать им в банке, как будто размешивая сахар в чае. Вода постепенно теряла прозрачность. Я с бьющимся сердцем наблюдал за этими приготовлениями.

- Пойдем в зал, тут места мало, - предложил он.

Я пожал плечами и пошел вслед за Юркой.

В зале было с первого взгляда видно, что жильцы недавно переехали. В углу стоял серый диван, возле стены находилось несколько больших картонных коробок, перевязанных упаковочной лентой. Больше никакой мебели не было, очевидно, юркины родители не все еще привезли. Юрка поставил банку на пол и опять стал разбалтывать в ней мыло.

Когда вода приняла мутный оттенок, Юрка в несколько приемов наполнил грушу.

Содержимое банки уменьшилось почти наполовину. Потом он повернулся ко мне, держа грушу двумя руками.

- Что, штаны снимать? - задал я глупый вопрос.

- Угу, - буркнул Юрка, глядя в пол. Кажется, ему, как и мне, стало немного неудобно, - и нагнись пониже.

- Я стянул шорты вместе с плавками и согнулся пополам, как показывал Юрка.

Он присел пониже и сразу я почувствовал, как мокрый пластиковый наконечник пытается вторгнуться мне в попу. Сперва неудачно. Юрка усилил нажим, и наконечник достиг своей цели. На некоторое мгновение стало больно, я даже охнул от неожиданности и переступил ногами. Юрка скорее втокнул наконечник полностью и, сосредоточенно сопя, стал сжимать грушу.

Через некоторое время в заду появилось забытое ощущение распирания, которое постепенно нарастало. Я почти сразу понял, чем отличается юркин способ от обычного: мыльная вода гораздо сильнее щекотала внутренности, и в туалет захотелось почти сразу. К тому же Юрка не вытер руки от мыла, его пальцы постоянно соскальзывали с груши, отчего наконечник то и дело ерзал у меня в попе, что тоже не радовало.

Наконец, вода в груше закончилась, и Юрик извлек спринцовку.

- погоди, ты куда? Еще не все! - заявил он, увидев, что я натягиваю шорты.

Тут выяснилась одна неожиданная вещь: дело в том, что понятие "поставить клизму" мы с Юриком расценивали по-разному. Я имел в виду одну грушу, а он - эту самую стеклянную банку. Я заспорил, утверждая, что надо было заранее говорить.

- Что, Сашок, уже охота на горшок? - съехидничал Юрка?

В ответ я, вздохнув, опять спустил штаны и уперся руками в колени. Про себя же я подумал, что вытерплю во что бы то ни стало, чтобы потом отыграться тем же способом.

- Давай быстрее тогда, а то по правде уже надо 5 минут засекачь, - согласился я.

Юрка сноровисто наполнил спринцовку. Через мгновение я ощутил, как наконечник вошел

в мой зад. Удерживая воду, я довольно сильно сжимал мышцы, и мне опять стало больно. Я только скрипнул зубами.

Чувство распираания усилилось и вскоре достигло предела, который я мог вытерпеть. Я уже открыл рот, чтобы прекратить процедуру, но тут у меня в животе заурчало, видимо, вода прошла дальше. Стало гораздо легче. Вместе с этим возникло чувство щекотки и онемения между ног и внизу живота. Оно было странным, незнакомым и доставляло какое-то запретное удовольствие...

Видимо, Юрка старался выпустить всю воду до капли, потому что наконечник опять заерзал. Но на этот раз это не было неприятным, а наоборот, усиливало запретное ощущение...

Наконец, твердый предмет покинул мой многострадальный зад, я первым делом глянул на часы, потом натянул шорты и осторожно выпрямился.

- 15: 25! - объявил я Юрке и сжался под действием нахлынувшего спазма. В туалет хотелось нестерпимо.

Я на несгибающихся ногах доковылял до дивана, что вызвало у Юрика взрыв веселья.

Смеялся он мелко и заливисто. Закусив с досады губу, я лег на диван вниз лицом и принялся ждать. Время текло неумолимо медленно, за эти 5 минут спазмы накатывали несколько раз, один сильнее другого. Я что есть силы сжимал ягодицы, удерживая воду. Между делом я заметил, что когда я сжимаю попу и прижимаюсь животом к дивану, то самое ощущение возрастает. И как бы требует усилить его еще больше, до предела. Между ног все напряглось. Мне захотелось узнать, что же за этим пределом? . .

Удерживала лишь боязнь: вдруг я не смогу сдержаться? Обделаться в чужой квартире не хотелось... Я глянул на часы. Глядя, как я извиваюсь, Юрик опять захихикал. Но тут я осторожно, отдуваясь, встал с дивана и сунул часы ему под нос:

- 5 минут, между прочим. Свет в тубзике у вас где включается?

Юрка зажег свет в туалете, я нарочито не торопясь закрыл за собою дверь, сказав, чтобы он пока приготовил пока все, какой температуры воду он предпочитает...

Да, скажу я вам, редко кто знает, что элементарное посещение туалета может принести такое облегчение. Я вышел оттуда настолько очищенным и прямо-таки просветленным, словно грешник после исповеди, про которых нам заправляли в школе на классном часе... Казалось, стоит посильнее оттолкнуться, и я допрыгну до потолка...

Юрка дожидался меня, сидя на диване. На полу стояла банка, полная воды. Что-то на этот раз он развел меньше мыла, - подумал я, но спорить не стал.

- Что, будешь теперь мне делать? - с растерянной улыбкой спросил он, - а ты хоть умеешь? Похоже, он не думал, что я, как «перворазник», смогу выиграть спор, и теперь в этом раскаивался.

- Думаю, это нетрудно. Ты же никому раньше тоже не делал?

- Зато я сам себе пару раз делал... - пробормотал Юрка.

- А я сейчас тебе пару раз сделаю, - пообещал я, взяв спринцовку из банки. Из наконечника полилась вода, я перевернул грушу вверх наконечником и взглядом показал Юрке, чтобы он не рассиживался.

Юрка поднялся с дивана, повернулся к нему лицом, стянул шорты, затем плавки, нагнулся...

У меня опять участился пульс от ощущения приближения какой-то неясной тайны.

Видимо, Юрка действительно был не новичок. Нагнувшись, он руками дополнительно растянул попу, обеспечивая максимальный доступ.

Мне было страшновато впихивать вот так сразу спринцовку на всю глубину, поэтому я ввел кончик и слегка сжал грушу. Юрка вздрогнул. Увидев, что ничего страшного не произошло, я протолкнул наконечник на всю глубину.

Юрка отпустил попу и уперся руками в диван.

Я стал сжимать резиновый шар. С удивлением я обнаружил, что для этого надо прикладывать значительные усилия. К тому же, размер спринцовки был рассчитан на ладонь взрослого человека, поэтому, когда я сжимал грушу с одной стороны, она разжималась с другой. Потом я все-таки приноровился удерживая спринцовку двумя руками, давить большими пальцами на вогнутое доньшко, словно орудия большим шприцем.

Я заметил, что когда я сдавливаю грушу сильнее, Юрка непроизвольно сжимает ягодицы. И злорадно подумал "так тебе пусть, что же ты теперь не заливаешься?"...

Вода закончилась. Стараясь не давать груше расправиться, я вытащил наконечник. Юрка шумно перевел дух и сказал:

- Вторую на диване будем ставить.

Видимо, теперь ему было не до веселья.

Он на диван, подложив руки под голову.

Я неумело набрал в грушу остатки воды и попробовал втолкнуть Юрке наконечник. Это у меня не вышло, поскольку я не видел, куда его, собственно говоря, вталкивать, и приходилось действовать наощупь.

- Ну я же говорил - не сумеешь, - обрадованно заявил Юрка, и сделал попытку встать с дивана. Для этого ему пришлось раздвинуть ноги, я увидел свою цель и торопливо впихнул туда весь наконечник. Юрка ахнул и бухнулся опять на диван. Я уже сжимал грушу.

Потом я решил все же не торопиться, вливая воду постепенно, то сжимая грушу, то останавливаясь. Юрка в ответ сжимал ягодицы, вдавливаясь в диван. Наконечник сразу выходил из его попы. Я впихивал его обратно, сдавливал грушу, Юрка опять сжимался и молча сопел. Глядя на него, я понял, что вызывало у него такое веселье, когда на его месте был я. Юркина попка напряглась и покраснела, ноги мелко дрожали. Это и вправду было забавно...

В спринцовке осталось меньше половины. Странно, но Юрка не возмущался, что наконечник не стоит на месте, а елозит у него в попе. Я попробовал немного пошевелить им. Юрка сжался, засопел громче и задрожал.

Решив, что пора заканчивать, я надавил большими пальцами на доньшко груши и вставил носик спринцовки на максимальную глубину.

Юрка отреагировал совершенно неожиданно: он вдруг громко заскулил и вцепился в обшивку дивана, царапая его ногтями. Он сжал попку и вдавился в диван настолько, что наконечник вышел почти полностью...

Я, испугавшись, что сделал Юрке больно, вынул спринцовку.

Юрка глубоко вздохнул, полежал немного, потом, почему-то не вставая с дивана, натянул штаны, хотя это было неудобно. Только после этого он уселся на диване. Лицо его покраснело, вихрастый чуб растрепался.

- Ты чего? - спросил я...

- Да ничего. А ты никому не скажешь?

- Что не скажешь-то?

- Саня, я кажется... кончил... - ответил Юрик и ошалело глянул на меня. Потом он побежал в

туалет.

Некоторое время спустя мы опять были во дворе, сидели на лавочке возле Юркиного подъезда. Мне было очень любопытно узнать о Юркиных впечатлениях, ведь в наше время ничего не скрывалось, мы знали, что можно "кончать" и получать от этого удовольствие... Юрка, как мог, поведал о своих ощущениях, и я понял, что он испытывал то же самое, что и я. Особенно, когда Юрка точно подобрал пример:

- Вот, это как будто когда сильно боишься, тут вот сжимается все, только гораздо сильнее, чем когда боишься - и он, зажав руки между ног, сделал испуганную гримасу. - А потом тако-о-ой ка-а-айф! . .

Я подсадовал на свою нерешительность, ведь этот кайф наверняка и был за тем пределом, к которому я подошел... Я решил, что в следующий раз обязательно попробую. В следующий - потому что в этот я все-таки довольно сильно устал. Да и в попе ощутимо щипало. Наверное, от мыльной воды...